

ЛЮДИ ИСКУССТВА

«ЗВЕЗДА»

И ТЕНЬ

РЕЧЬ — о Елене Камбуровой. Кто она, эта певица, которую знают и любят уже много лет, но лишь те немногие, кому повезло встретиться с ней. Встретиться с ней не так просто. Вы вряд ли увидите яркую рекламу ее концерта. Да и залы, в которых ей приходится выступать, скромны. А ведь ее искусство способно привлечь и увлечь многих.

Что же выбрать из программ для знакомства с Еленой Камбуровой?

Можно начать с апробированных, составленных из советских песен — самодеятельных и профессиональных, где слушателю откроется ряд не звонких, но стоящих имен. А можно послушать «Детскую» — цикл Мусоргского, сделанный абсолютно оригинально и в русле заветов величайшего из русских классиков. Или «блок» из революционных русских песен, нечасто звучащих на нашей эстраде. А можно послушать два цикла композитора Владимира Дашкевича на стихи Владимира Маяковского и Осипа Мандельштама. Можно выбрать программу французских шансонье, где интонация, произношение, пластика приблизят к прославленным оригиналам. Или познакомиться с экспериментом, за который взялась сегодня Камбурова: русский материал, ведущий к фольклору древних пластов.

Трудно определить, что есть жанр, которому служит артистка. Это не песня в привычном ее понимании и уж никак не эстрада того направления, где сияют «украшения из фольги». Скорее, некое камерное искусство, представляющее синтез музыки, поэтического слова и актерской работы, где, на мой взгляд, непременно присутствуют еще два момента: авторская сопричастность и импровизация.

«Шансонье всея Руси» — так метко определил Андрей Вознесенский стиль и миссию Владимира Высоцкого. Камбурова служит искусству, близкому этому направлению. Не случайно, говоря о своих кумирах, она называет Б. Окуджаву, Ж. Бреля, В. Высоцкого, Ю. Кима.

— Это идеальное попадание в жанр, редкое по гармонии триединство поэта, автора музыки и исполнителя. А кроме того, у Бреля и Высоцкого был один уровень отдачи, один градус темперамента — такой высоты, что, как говорила Алла Демидова, уже воздух в зале был магнагичен. Мне довелось недавно сниматься в фильме «Воспоминание» о Высоцком, и вот вопрос: когда стоишь перед такими авторами-исполнителями, можно ли думать о том, чтобы их песни были спеты не только ими? Во мне побеждает безоглядная жажда самостоятельно войти в их мир, пропустить через себя их пульс, их дыхание. Есть уверенность, что именно сегодня, когда песне так не хватает духовного накала, интеллекта, настоящего романтизма, мужества и честности, их нельзя не петь. Именно об этом я должна была сказать в фильме «Воспоминание», посвященном Владимиру Высоцкому. Но у режиссера фильма иная точка зрения. И потому «умелый» монтаж напрочь зачеркнул мою мысль.

Среди многих песен Высоцкого Камбуровой

особенно удается одна из поздних, любимая им самим и звучащая автобиографично: «Кто-то высмотрел плод...» То, как расставляет певица акценты, как управляет «пружиной» песни, превращая ее в балладу, в сцену, где, однако, не превалирует «актерский жест», а где все внимание — слову, обнаруживает в ней и поэтическую эрудицию, и музыкальный вкус, и пластическую корректность, благородство. Ловишь себя на том, что в золотом триединстве авторской песни поэзия держит приоритет.

— Да, я в своей работе в первую очередь отталкиваюсь от слова, ибо, коль скоро оно есть, — оно должно быть значимо, а следовательно, требует к себе и особого отношения. Оно требует, если хотите, комфорта. Ему должно хорошо дышаться. И тогда мы увидим, как оно свободно парит в вышине. Счастливые случаи, когда композитор и поэт совпадают. Но мне иногда не хватает музыки для той поэзии, которой мне хочется поделиться со слушателем. Вот недавно для своей программы я выбрала в качестве «зачина» стихи Ж. Превера «Пример птиц». Мне хотелось рассказать о том, как многому можно научиться у этой прекрасной частицы природы — у птиц — полету и красоте, и пению на закате. Но не просто прочитать стихи, а дать им музыкальное наполнение... До сих пор не найду для себя музыкального адекват Марине Цветаевой — не тем ее пастельным тонам, которым больше повезло в музыке, а колокольной мощи, мужественности ее стихов... А начиналось все с Новеллы Матвеевой и Булата Окуджавы — это было освоение микроклимата, в котором мне предстояло жить, учиты-

вая у песен, с которыми меня свела судьба...

Мне кажется, точнее будет сказать, что сами художники, немногим доверяющие дублировать себя, находили Камбурову. И это были ее университеты, где со столь разных углов открывался взгляд на жизнь, где интонировать песню — дышать, где с публикой надо было говорить не «с подиума», а на одном уровне.

— Искренность интонации, свойственная тем песням, была для меня точкой отсчета, постоянной величиной. Вы правы, песни моего репертуара — мои университеты.

При Центральном доме медресовиков мы создаем театр песни, с ним мы связываем осуществление нашей мечты. То, что витало в воздухе в пору моей юности, сегодня уже на пороге. Но вот о своей юности, сегодня уже на пороге. Но вот о своей юности. Жизнь моя складывается из впечатлений. И, может быть, самые сильные из них рождались от общения с людьми, которые умели одаривать других возможностью зажечься от их свечения. Их было немало. Я хочу прежде всего назвать людей, сыгравших в моем формировании, в моей судьбе ключевую роль. Это Цецилия Львова-Мансурова с ее неумным темпераментом на сцене и в жизни, с ее верой в меня тогда еще, когда я неудачно поступала в Щукинское училище, Леонид Енгилбаров — непостижимый клоун, печальный мим, чей поэтический настрой на мир многое во мне переменял. Фаина Георгиевна Раневская с ее масштабом чувств, неподражаемым чувством юмора, музыкальностью и жестоким неприятием малейшей фальши. Я многому научилась у них. Ведь нельзя сказать ни об одной песне, что она спета — она лишь зафиксирована. И чем больше в ней заложено, тем больше воз-

можностей исполнить ее шире, полнее. Голос может выводить певца на великие просторы и заводить в закоулки, может даже пресечься, когда перехлестывает от горя дыхание... Ведь страшно петь не вполголоса, а вполдуши.

Мы должны находить контакт с молодыми. Ведь от того, куда сейчас повернется вкус у молодого поколения, зависит духовная жизнь нашего общества. Да, у многих сегодня доминирует эта жизненно-философская платформа: «получить кайф». Я не против разрядки. Но ведь дисковариант является той преобладающей (а у некоторых единственной) средой, в которой они рождаются на свет (у их колыбели диско, а не Моцарт!) и живут.

Рок-музыка обладает средствами, которые могли бы выражать сильные, масштабные чувства. Таким крупным планом — учащенный пульс XX века! Есть много возможностей для выявления красоты (вспомните рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда»). Но за редким исключением в рок-музыке если и присутствует духовное начало, то либо оно инфантильно выражено, либо просто задыхается под давлением истеричной агрессии музыкальной индустрии. Как верно сказал недавно в одной из своих статей Булат Окуджава, если уж рок действительно пришел на смену нам и пытается стать выразителем дум молодежи, он должен выражать это словами — других средств пока не найдено. Сфера влияния поп-музыки дошла до глобального масштаба. Беда в том, что она не существует сама по себе. Подлинные духовные ценности вытесняются из человеческих душ. В миллионах людей гибнут потенциальные читатели, посетители музеев, худо-

жественных галерей, филармоний. Ведь сейчас песня стала первым кумиром молодежи. Именно песня, даже не кино. Она не просто потеснила, она заняла, можно сказать, чужие территории. Когда на одном из «Музыкальных рингов», посвященном авторской песне, девочка из зала кричит участникам: «Вы для нас напишите, о сегодняшнем!» — мне страшно: она попросту не знает о том, что для нее уже Пушкин написал, и Достоевский, и Бах...

А я хочу вспомнить другие картины — как горячо обсуждался в молодежной среде разговор (но действительно увлекательный!) о серьезной музыке, который провел по телевидению Владимир Спиваков. Как выстраиваются очереди на премьеры Шнитке. С каким нетерпением ждут молодые возобновления телепередач В. Ворошилова — отнюдь не элитарных, но обращенных к уму и воображению. Или как на том же концерте Камбуровой, где яблоку негде упасть, можно увидеть так много молодых с кассетниками, желающих пополнить свою фонотеку песнями, далекими от понятия субкультуры. Молодежь отнюдь не сторонится искусства, открывающего простор для мысли и питающего дух, она просто плохо его знает, точнее, знает в незначительной своей части. И когда мы говорим сегодня о том, чтобы большое искусство выходило на стадионы, это не утопия. Мне вспоминается всего лишь случай, когда Дмитрий Покровский, руководитель уникального в своем роде фольклорного ансамбля, без всякого заигрывания с молодежью — легко и весело выводил ее на сцену водить хороводы. И было это в одной программе с рок-парадом на многотысячном стадионе.

Говорить о том, что такие индивидуально-сти, как Камбурова, достойны более широкого звучания и «лучшей участи», нелегко. Редко мы видим ее на телеэкране. Мне вот думается, если этой артистке удастся «выйти из тени», сноп софитов не ослепит ее — натуре Камбуровой с ее редкими минутами удовлетворения это не грозит. Она и начинала на чистом энтузиазме, и сегодня ей далеко до тех, кто имеет солидные дивиденды с коммерческого искусства.

Технические средства ее воздействия на аудиторию более чем скромны — здесь не требуются ни кордебалет, ни суперосвещение, ни пиротехнические системы. Жаль, однако, что работает она с радиоаппаратурой, вызывающей усмешку даже у самодеятельных ВИА, что не имеет возможности по штату иметь администратора, что к прекрасному дуэту музыкантов — Олег Синкин и Александр Винницкий — при всей творческой необходимости невозможно присоединить флейтиста или скрипача. Увы!

А время идет...

Ирина СТРАЖЕНКОВА.

● Елена Камбурова.

Фото Л. Волосянкина.